

А.П. Бородовский

Институт археологии и этнографии СО РАН
E-mail: altaicenter2011@gmail.com

Предметы младенческой гигиены хунно-сяньбийского времени Горного Алтая в контексте культурных связей

Костяные мочевыводные трубки (сумаки) – одни из древнейших средств младенческой гигиены, выявленных археологически. В этнографических материалах эти предметы представлены для целого ряда оседлых и кочевых народов Евразии. Однако на территории Южной Сибири среди этнографических предметов традиционной гигиены они практически не известны. Тем не менее на нескольких поселенческих, ритуальных и погребальных памятниках первой половины I тыс. н.э. такие изделия археологически выявлены в Саяно-Алтайской горной стране. Это, в свою очередь, позволяет для первой половины I тыс. до н.э. очертить ареал, где была представлена, а возможно, и формировалась такая традиция младенческой гигиены.

Ключевые слова: хунно-сяньбийское время, Горный Алтай, Южная Сибирь, предметы младенческой гигиены.

A.P. Borodovsky

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
E-mail: altaicenter2011@gmail.com

Objects of the Infantile Hygiene of the Hunnu-Syanbian Time in the Gorny Altai in the Context of Cultural Relations

The bony urine draining tubes, sumaki, are one of the most ancient means of infant hygiene identified by archaeologists. According to the ethnographic materials, these items are typical of an array of settled and nomadic peoples of Eurasia. However, they are practically unknown in the territory of Southern Siberia among ethnographic items of traditional hygiene. Nevertheless, such objects are discovered by archaeologists in the Sayan-Altai mountainous region, on several settlements, ritual and funerary monuments belonging to the first half of 1000 AD. There were related to wooden mobile cradles. Later such hygienic devices are represented both within archaeological and ethnographic sets, which enables us to register a period of occurrence and disappearance of such cultural tradition in the Sayano-Altai region.

Keywords: Hunnu-Syanbian time, Mountainous Altai, Southern Siberia, infantry hygiene items.

Предметный комплекс, связанный с младенчеством (колыбели, специфические предметы гигиены), является одним из этно-диагностирующих признаков, позволяющих определить не только культурное своеобразие различных групп населения, но и их исторические связи на обширных евразийских просторах. В свою очередь, различные предметы и материалы младенческой гигиены также тесно связаны с конструктивными особенностями колыбелей и их мобильностью в бытовом использовании. В частности, это обнаруженные в археологических комплексах Центральной Азии и Южной Сибири костяные мочевыводные трубки, имеющие в различных этнокультурных «средах» ряд названий (сумаки, туваки, шимек) и (рис. 1, 1,

2, 7–10) [Кызласов, 1969, с. 59–78; Дэвлет, 2010, с. 173, 176–177; Кибиров, 1959, с. 116, рис. 19, 3; Левина, 1996, с. 116; Подушкин, 2000, с. 95].

В последнее время на территории Горного Алтая на разнотипных археологических памятниках – поселениях, городищах, культовых комплексах (Чултуков Лог-9, Нижний-Чепош-3, Грот Куйлю) – выявлено несколько таких предметов (рис. 1, 3–6; 2) [Соёнов и др., 2011, с. 125, рис. 22, 1; с. 195, рис. 135, 19; с. 224, фото 21, 6; Молодин, Ефремова, 2010, с. 80, рис. 72, 3]. Территориально костяные мочевыводные трубки обнаружены в горной долине нижней и средней Катуня и в верховьях катунского бассейна на р. Кучерла. Корректная идентификация мочевыводных костяных трубок для Горного Алтая впервые

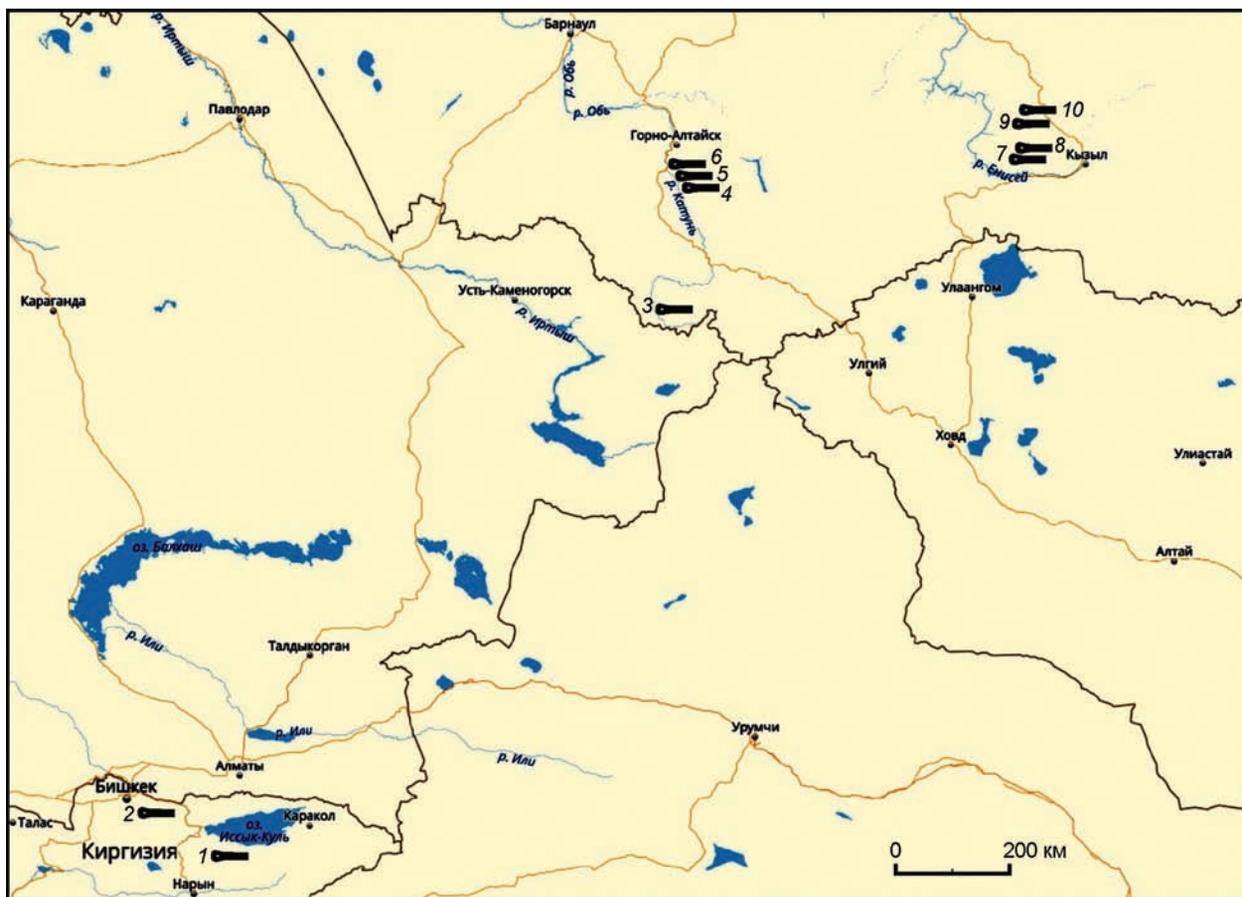

Рис. 1. Картография сумаков (костяных мочеотводных трубок) хунно-сяньбийского времени Центральной Азии и Южной Сибири (сост. К. Михальчевский).

1 – Турасу; 2 – Кенкол; 3 – Грот Куйлю; 4 – Нижний Чепош-3; 5, 6 – Чултуков Лог-9; 7, 8 – Чааты I; 9 – Катлылыг-5; 10 – Азас-1.

была сделана В.И. Соёновым [Соёнов и др., 2011, с. 125], поскольку ранее такие предметы относились к изделиям с неизвестным назначением [Молодин, Ефремова, 2010, с. 80]. Согласно этнографическим данным, по форме входного отверстия для жидкости мочеотводные костные трубки отражают гендерные особенности. Предметы с округлым отверстием (Чултуков Лог-9, Верх-Чепош-3) были принадлежностью колыбелей для мальчиков (рис. 2, 1–3), тогда как изделия с овальным отверстием (Грот Куйлю) представляли собой мочеотводные приспособления для колыбелей девочек (рис. 2, 4).

Вопросы хронологии этих предметов в археологической литературе трактуются неоднозначно. В соответствии с одной из точек зрения, наиболее ранние образцы костяных мочеотводных трубок на территории Южной Сибири датируются эпохой средневековья и относятся к средневековым уйгурам [Кызласов, 1969, с. 59–78; 1979, с. 166, рис. 123, 1; Степи Евразии..., 1981, с. 140, рис. 30, 35]. В соответствии с другой точкой зрения, эти предметы, по археологическим материалам Центральной Азии (Тянь-Шань), бытуют в эпоху раннего железа

и гунно-сарматского (хунно-сяньбийского) времени [Кибилов, 1959, с. 116, рис. 19, 3; Левина, 1996, с. 116; Подушкин, 2000, с. 95]. Однако детальный анализ обоснованности таких хронологических атрибуций дает следующие представления о времени появления костяных мочеотводных трубок. По мнению ряда исследователей, достаточно поздняя датировка одного из образцов этого изделия из Тувы Л.Р. Кызласовым эпохой Средневековья (Чааты I) в действительности должна быть существенно удревнена и относиться к заключительному периоду эпохи раннего железного века (хунно-сяньбийскому времени) [Савинов, 2006, с. 45]. Хотя на территории Тувы к настоящему времени известны находки костяных мочеотводных трубок из детских колыбелей тюркского типа, представленные в памятниках кокзельской культуры [Дэвлет, 2010, с. 173, 176–177]. В свою очередь, отнесение некоторых образцов костяных мочеотводных трубок из Центральной Азии (Тянь-Шань) к эпохе раннего железа (середина I тыс. до н. э.) также пока вряд ли обосновано [Кибилов, 1959, с. 116, рис. 19, 3], поскольку, по современным данным из этого региона,

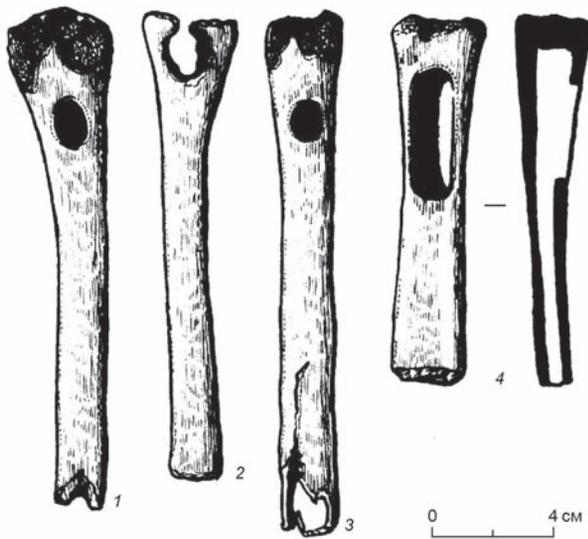

Рис. 2. Предметы младенческой гигиены хунно-сяньбийского времени Горного Алтая.

1, 2 – Чултуков Лог-9; 3 – Нижний Чепош-3; 4 – Грот Куйлю.

такие предметы присутствуют в археологических комплексах рубежа тысячелетий (I тыс. до н.э. – I тыс. н.э.) или первой половины I тыс. н.э. [Левина, 1996, с. 116; Подушкин, 2000, с. 95].

Для территории Горного Алтая основной массив серии калиброванных радиоуглеродных дат (определенных в России (Новосибирск) и Польше (Краков)), остеологических материалов и почвы археологических памятников (Верх-Чепош-3, Чултуков Лог-9), среди находок на которых присутствуют костяные мочеотводные трубки, позволяет уверенно датировать их периодом с конца I тыс. до н.э. и вплоть до середины I тыс. н.э., что соответствует на территории Южной Сибири хунно-сяньбийскому времени [Соёнов и др., 2011, с. 40–41; Бородавский, Олешак, 2017]. Таким образом, костяные мочеотводные трубки, бытовавшие на территории Горного Алтая, фактически синхронны их аналогам из Центральной Азии.

Присутствие сумаков в археологических материалах хунно-сяньбийского времени на Северном Алтае позволяет также поставить вопрос об их использовании как маркера для определения этнокультурной принадлежности населения той эпохи. В свою очередь, присутствие костяных сумаков на долговременных поселенческих комплексах Северного Алтая (Верх-Чепош-3, Чултуков Лог-9), включая городища, служит одним из оснований для аргументации принадлежности этих гигиенических приспособлений с деревянными «долговременными» колыбелями населению, практикующему оседлую жизнедеятельность. Не менее важно наличие такого гигиенического приспособления для осуществления цикла младенческой жизнедеятельности (до 2–3 лет). У на-

селения хунно-сяньбийского времени Северного Алтая этот факт явно указывает на южную ориентацию его культурных связей. Это крайне важно и перспективно в рамках обсуждения дискуссионных вопросов культурного единства (булан-кобинская археологическая культура) или территориального своеобразия (майминская археологическая культура) населения хунно-сяньбийского времени как Северного Алтая, так и всего Горного Алтая в целом, поскольку в Средней Азии (Турасу, курган 18) [Кибиров, 1959, с. 116, рис. 19, 3] их находили в памятниках джетыясарской и арысской культур [Левина, 1996, с. 116; Подушкин, 2000, с. 95]. При этом автохтонность арысской культуры на территории Южного Казахстана в период с IV в. до н. э. по IV в. н. э. дискуссионна [Подушкин, 2000; 2008; Смагулов, 2004]. В свою очередь, возможность реальной синхронизации древнейших находок костяных мочеотводных трубок от деревянных мобильных колыбелей из Центральной Азии с аналогичными изделиями из Южной Сибири (Тува, Алтай) в рамках хунно-сяньбийского времени позволяет достаточно четко очертить ареал, где была представлена, а возможно, и формировалась эта традиция младенческой гигиены (см. рис. 1). Преддверие эпохи «Великого переселения народов» и связанные с ней последующие процессы во многом обуславливают значительную широту археологического и этнографического распространения мочеотводных трубок на территории не только Южной Сибири, Центральной Азии, Ирана, но и Восточной Европы, включая Нижнее Поволжье, Кавказ и Крым. Следует подчеркнуть, что для территории Сибири по этнографическим данным такое гигиеническое приспособление не выявлено [Историко-этнографический атлас..., 1961]. В Центральной Азии сумаки известны у узбеков, киргизов и казахов [Карутц, 1903, с. 79].

В этой связи особенно интересно присутствие данных предметов у киргизов (кыргызов), предки которых в далеком историческом прошлом, по письменным и археологическим источникам, жили в Южной Сибири, включая Саяно-Алтайскую горную страну (Туву, Хакасию, Алтай). Еще в эпоху средневековья на территории Горного Алтая, по результатам современных археологических исследований, фиксируется присутствие погребальных памятников кыргызов [Дашковский, 2015].

Выявление целой серии предметов (сумаков), связанных с традиционной младенческой гигиеной, позволяет поставить целый ряд вопросов, связанных с происхождением и культурными связями населения Северного Алтая хунно-сяньбийского времени. Это связано с одной стороны, с возможностью синхронизации на основании таких находок в рамках предметного комплекса с другими катего-

риями изделий хунно-сяньбийского и гунно-сарматского времени (роговые накладки на лук, роговые наконечники стрел со свистунками, наверхшия плетей или стеков, застежки для лошадиных пут, костяные варганы), а с другой стороны, с выяснением его культурных связей и близости с синхронным населением других, более удаленных регионов Центральной Азии, в материальной культуре которых присутствуют костяные сумки. Такие выводы делают возможной постановку вопроса об отражении определенных черт культурного единства и этнической специфики еще в одном из изделий (сумке – костяной мочеотводкой трубке) предметного комплекса, появляющегося в этот переломный исторический период в Евразии.

Список литературы

Бородовский А.П., Олешак Л. Мультидисциплинарные исследования археологических памятников гунно-сарматского времени Северного Алтая // V (XXI) Всероссийский археологический съезд. – Барнаул: [Б. и.], 2017. – Т. III. – С. 9–13.

Дашковский П.К. Кыргызы на Алтае в контексте этнокультурных процессов в Центральной Азии. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2015. – 224 с.

Дэвлет М.А. Могильник Азас I эпохи хунну в Тоджинском кожууне Тувы // Памятники кокельской культуры Тувы: материалы и исследования. – СПб.: ЭлекСис, 2010. – С. 164–186.

Историко-этнографический атлас народов Сибири. – М.: Л., 1961 – 498 с.

Карутц Р. Среди киргизов и туркмен на Мангышлаке. – СПб., 1903. – 188 с.

Кибиров А.К. Археологические работы в центральном Тянь-Шане // Труды киргизской археолого-этнографической экспедиции. – М., 1959. – С. 63–139.

Кызласов Л.Р. История Тувы в средние века. – М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 1969. – 212 с.

Кызласов Л.Р. Древняя Тува (от палеолита до IX в.). – М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 1979. – 207 с.

Левина Л.М. Этнокультурная история Восточного Приаралья. I тысячелетие до н. э. – I тысячелетие н. э. – М.: [Б. и.], 1996. – 396 с.

Молодин В.И., Ефремова Н.С. Грот Куйлю – культурный комплекс на реке Кучерле (Горный Алтай). – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2010. – 264 с.

Подушкин А.Н. Арысская культура Южного Казахстана (IV в. до н. э. – IV в. н. э.). – Туркестан: Издат. центр МКТУ им. Х.А. Яссави, 2000. – 202 с.

Подушкин А.Н. Сяунну в Южном Казахстане (по материалам арысской культуры) // Номады казахстанских степей: этносоциокультурные процессы и контакты в Евразии скифо-сакской эпохи. – Астана: [Б. и.], 2008 – С. 147–157.

Савинов Д.Г. Потомки кокельцев на страже уйгурских городищ // Археология Южной Сибири. – Кемерово: Кемер. гос. ун-т, 2006. – Вып. 24. – С. 44–50.

Смагулов Е.А. Арысская археологическая культура: миф и реальность (заметки по поводу) // Изв. Национальной академии наук Республики Казахстан. – 2004. – № 1 (242). – С. 284–301.

Соёнов В.И., Трифанова С.В., Константинов Н.А., Штанаква Е.А., Соёнов Д.В. Чепошские городища. – Горно-Алтайск: Горно-Алт. гос. ун-т, 2011. – 228 с.

Степи Евразии в эпоху средневековья. – М.: Наука, 1981. – 302 с.

References

Borodovskiy A.P., Oleshak L. Mul'tidistsiplinarnye issledovaniya arkheologicheskikh pamyatnikov gunno-sarmatskogo vremeni Severnogo Altaya. In V (XXI) Vserossiiskiy arkheologicheskij s'jezd, Barnaul, 2017, vol. III, pp. 9–13 (in Russ.).

Dashkovskiy P.K. Kyrgyzy na Altae v kontekste etnokul'turnykh protsessov v Tsentral'noy Azii. Barnaul: Altai State Univ. Press, 2015, 224 p. (in Russ.).

Devlet M.A. Mogil'nik Azas I epokhi khunnu v Todzhinskom kozhuune Tuvy. In *Pamyatniki kokel'skoy kul'tury Tuvy: materialy i issledovaniya*. St. Petersburg: ElekSis, 2010, pp. 164–186 (in Russ.).

Istoriko-etnograficheskij atlas narodov Sibiri. Moscow; Leningrad, 1961. 498 p. (in Russ.).

Karutts R. Sredi kirgizov i turkmenov na Mangyshlake. St. Petersburg, 1903, 188 p. (in Russ.).

Kyzlasov L.R. Istoriya Tuvy v srednie veka. Moscow: State Univ. Press, 1969, 212 p. (in Russ.).

Kyzlasov L.R. Drevnyaya Tuva (ot paleolita do IX v.). Moscow: State Univ. Press, 1979, 207 p. (in Russ.).

Levina L.M. Etnokul'turnaya istoriya Vostochnogo Priaral'ya. I tysyacheletie do n. e. – I tysyacheletie n. e. Moscow: [S. n.], 1996, 396 p. (in Russ.).

Molodin V.I., Efremova N.S. Grot Kuilyu – kul'tovy kompleks na reke Kucherle (Gorny Altai). Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2010, 264 p. (in Russ.).

Podushkin A.N. Arysskaya kul'tura Yuzhnogo Kazakhstana (IV v. do n. e. – IV v. n. e.). Turkestan: Izdat. tsentr MKTU im. Kh.A. Yassavi, 2000, 202 p. (in Russ.).

Podushkin A.N. Syunnu v Yuzhnom Kazakhstane (po materialam arysskoy kul'tury). In *Nomady kazakhstanskikh stepey: etnosotsiokul'turnye protsessy i kontakty v Evrazii skifo-sakskoy epokhi*. Astana: [S. n.], 2008, pp. 147–157 (in Russ.).

Savinov D.G. Potomki kokel'tsev na strazhe uigurskikh gorodishch. In *Arkheologiya Yuzhnoy Sibiri*. Kemerovo: State Univ. Press, 2006, iss. 24, pp. 44–50 (in Russ.).

Smagulov E.A. Arysskaya arkheologicheskaya kul'tura: mif i real'nost' (zametki po povodu). In *Izv. Natsional'noy akademii nauk Respubliki Kazakhstan*, 2004, No. 1(242), pp. 284–301 (in Russ.).

Soyonov V.I., Trifanova S.V., Konstantinov N.A., Shtanakova E.A., Soyonov D.V. Cheposhskie gorodishcha. Gorno-Altaysk: Gorno-Altaysk State Univ. Press, 2011, 228 p. (in Russ.).

Stepi Evrazii v epokhu srednevekov'ya. Moscow: Nauka, 1981, 302 p. (in Russ.).